

мест и т.д.), а также она распространялась на семейно-бытовые обряды, такие как свадьба, похороны. Эта помощь родственников и соседей, пусть не всегда полностью покрывающая расходы, очень сильно поддерживала как материально, так и морально.

Обычай взаимопомощи играл и играет важную роль в жизни народа. Эта традиция живет в быту ингушского народа и сегодня, объединяя в различных жизненных ситуациях: от совместной работы по строительству дома до свадебной и похоронной церемонии. Она приняла новые формы, но как и прежде играет положительную роль в качестве материального или трудового подспорья в хозяйстве, а также дает возможность для сближения людей и уверенность во взаимопомощи и взаимовыручке.

Библиография

Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992.

Зязиков М.М. На рубеже столетий. М., 2011.

Исаев Э. Вайнахская этика. Грозный, 2010.

Кудусова-Долакова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей (XIX — начало XX в.). Ростов н/Д, 2005.

Хасбулатова З.И. Некоторые формы взаимопомощи, связанные с хозяйственным бытом чеченцев и ингушей в конце XIX — начале XX в. // Хозяйство и быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

З.А. Алигаджиева

ОБРЯД ПЕРЕХОДА НЕВЕСТЫ В ДОМ ЖЕНИХА У АВАРЦЕВ

Одним из важных насыщенных магической символикой обрядов традиционной аварской свадьбы являлся обряд перехода невесты в дом жениха. В различных аварских селениях этот обряд имел свою специфику. Так, у андалальцев с. Чох родственники жениха встречали кортеж невесты у ворот дома с зажженными факелами, музыкой, песнями и танцами. Когда невеста приближалась к ним, с крыш соседних домов ее осыпали сладостями, желая ей сладкой жизни в новом доме. Иногда ее осыпали зерном

или мукой, «чтобы в жизни не знала нужды». Осыпание невесты зерном, рисом, мелкими монетами и т.п. наблюдалось в свадебных обрядах и у других народов Дагестана [Булатова 1988: 165–175].

Враждебно настроенные по отношению к невесте люди в этот момент пытались осыпать ее луком, чесноком, перцем, черными бобами, черными угольками, что должно было символизировать вражду с новой родней, «черную» жизнь для невесты. В с. Шангода вслед невесте бросали золу из кувшина, «чтобы новобрачные недолго прожили вместе». Для предотвращения возможных вредоносных действий, невесту на всем пути сопровождали два человека на конях, едущих с обеих сторон от нее.

При вхождении в дом жениха невесту радушно встречала его мать, которая давала ей ложку меда, а родственники жениха осыпали ее монетами с пожеланиями счастья, здоровья и благополучия. Родственники жениха одаривали невесту различными подарками, в основном одеждой, и лишь затем невесту вводили в комнату для молодых, усаживали удобно, так как ей предстояло, не поднимаясь, просидеть здесь до ночи. На ее колени сажали мальчика с пожеланиями невесте иметь в качестве первенца сына [Исламмагомедов 1993: 42].

В с. Ругуджа невеста при входе в дом жениха у порога перешагивала через бронзовый котел, а встречающие бросали на нее серебряные монеты и сладости. Мать жениха во дворе своего дома клала ей в рот ложку меда, могла преподнести скотину в качестве подарка. Потом ее вели в комнату для молодых. Здесь на полу комнаты, близко от порога, лежала шуба, а под ней серп. Невеста входила правой ногой, наступив на них. Затем серп забирала одна из ее подруг, а шубу убирала родственница жениха [Исламмагомедов 2002: 293–294].

В с. Хунзах с приближением свадебного поезда невесты стороны жениха и все гости выходили навстречу с песнями и музыкой, нередко с факелами. Провожатые невесты, чтобы получить вознаграждение, говорили: *'ХIатIи билъунеб гъечIо, хIатIида нах бахъе!'* («Ноги отказываются ходить, замаслите нам ногу!»). После этого им давали хлеб, вареное мясо, бузу.

У аварцев с. Голотль провожатые невесты, чтобы получить такое вознаграждение, говорили, что ворота и двери в дом жениха узкие или что дорога плохая, поэтому невеста не может войти. Тогда представитель жениха «успокаивал» их: «Я тоже проходил здесь, дорога ведь хорошая, идите» [Гаджиева 1985: 234].

У тленсерухцев с. Гидиб свадебную процессию невесты у ворот в дом жениха встречала бабушка новобрачного по отцу, которая обнимала ее со словами: *'Эбельул гIарац, нижер месед!'* («Мамино серебро, наше золото!»). У койсубулинцев с. Аракани бабушка жениха, сидя у порога, встречала людей, ведущих невесту к дому своего внука, причитаниями: «Когда я была молода, все со мной считались, меня уважали, а сейчас я всеми позабыта, все меня обижают. Вот идет еще одна молодая, которая тоже будет меня обижать». Причитания прекращались и сменялись благопожеланиями и словами приветствия, как только старшая из сопровождавших невесту женщин преподносила ей подарок [Лугуев, Эльмурзаева 2010: 439]. Подобного рода обычай бытовал и у ахвахцев с. Тад-Магитль [Лугуев 2008: 78].

Следует отметить, что в момент прихода невесты к дому жениха у аварцев и других народов Дагестана было принято дарить ей скот (корову, теленка, буйволицу, овцу). У андалальцев по прибытии процессии с невестой к дому жениха здесь устраивали обязательный танец родственника жениха с родственницей невесты. Затем к невесте подводили корову (или телку) как подарок от родителей жениха и ставили на ней метку — *гIуж бала* [Исламмагомедов 2002: 297].

У андийцев животное, которое дарили невесте, подводили к ней, чтобы она могла подержаться за рога или дотронуться до них [Гаджиева 1985: 235]. У хваршин к невесте подводили телку, бычка или корову. Она хватала животное за ухо, на котором сразу делали метку [Мусаева 1988: 140].

Следует отметить, что подобного рода обычаи бытовали и у других народов Дагестана. Так, у даргинцев-урахинцев, когда процессия с невестой подходила к дому жениха, отец последнего выводил двух быков и обрезал у них кончики двух ушей, а иногда и лошадь, у которой обрезали клочок волос от хвоста [Амиров

1873: 31], что было своеобразным знаком дарения. О подобном свадебном обычае у лакцев еще в середине XIX в. А. Омаров писал следующее: «Навстречу молодой вывели ослицу и хотели тут же отрезать у ней ухо, но молодая не согласилась. По-видимому, она желала, чтобы вывели к ней навстречу лошадь или корову. Долго тянулись переговоры, и молодая не сделала ни шагу с места, пока не вывели, наконец, корову и не отрезали у ней ухо» [Омаров 1870: 42].

Андалальцы с. Куллаб свадебную процессию с невестой встречали по-иному. Родственники жениха ставили перед его домом большой медный поднос (*шурум*). В момент приближения кортежа невесты к дому жениха начинались танцы. Первой начинала танец мать жениха. Затем эстафету танца перехватывала сестра жениха. Далее в веселом круговороте танца неслись остальные родственники жениха. Танцующие по окончании танца бросали на *шурум* серебряные монеты. Если в других андалальских селах монеты и сладости кидали непосредственно на невесту, то здесь мы видим бытование специального подноса, предназначавшегося для сбора подарков. В с. Ругуджа невеста, прежде чем войти в дом жениха, должна была переступить через перевернутый котел *ухи*. В с. Кудали в момент ввода невесты в дом жениха родственники последнего закидывали ее подарками (головные платки, отрезы материи, чулки, носовые платки и т.п.) и даже бросали ей их под ноги. Чтобы невеста прижилась в новом доме и имела многих детей, ее вводила в дом многодетная родственница жениха по материнской линии.

У салатавцев прибытие невесты к месту свадьбы сопровождалось выстрелами из ружей и пистолетов. Невесту «вытаскивали» из арбы за выкуп, а мать невесты угощала всех водой из кувшина (*гулгун*).

У чамалальцев родители жениха, встречая невесту, стелили у порога ковер или палас, и невеста наступала на них правой ногой, чтобы жизнь ее в новом доме была в достатке и счастливой [Гаджиев 1988: 107].

Общераспространенным на Кавказе был обряд угощения невесты медом, а равно и осыпание ее сладостями. Этот обряд со-

вершала мать или пожилая родственница жениха. Обычно она опускала палец в миску с медом и давала невесте облизать его, а затем, обмакнув правую руку невесты в ту же миску, делала ею отпечаток на притолоке [Гаджиева 1985: 236].

У хунзахцев мать жениха, угощая невесту медом, приговаривала: *'КIал, мацI гъуинлгъизе цIияй бахIаралгъул!'* («Чтобы у невесты рот и язык (всегда) были сладкими!»). У каралальцев с. Сота в таком случае приговаривали: *'Квешаб рагIи гъуинлгъизе, лъикIаб рагIи гIемерлгъизе!'* («Чтобы плохое слово было сладким, а хорошее слово умножилось!»).

У андалальцев с. Куллаб, Шуланиб, Унты мать жениха встречала невесту у ворот своего дома с чашкой, доверху наполненной мукой, сахаром и изюмом, и осыпала ими невесту и ее подруг со словами: «Да принесешь ты нам благополучие и счастье». В с. Бацада невесту у порога в дом жениха встречали его близкие родственники. Мать жениха встречала ее внутри дома и провожала невесту в отведенную для нее комнату. В момент переступания молодой порога этой комнаты мать жениха кидала ей под ноги шерстяную подстилку (*кусул нухIи*) или что-нибудь мягкое (шерсть, платок, отрез материи), сопровождая свои действия пожеланием невесте в будущем вступать в свою комнату также «мягко». Затем мать жениха давала ей ложку меда с пожеланием благополучной жизни.

В с. Шуланиб после ввода невесты в дом жениха всем присутствующим раздавали сладости, «чтобы она была в этом доме желанной». В с. Хоточ с этой же целью мазали губы невесты медом. В с. Шангода, Шитлиб, чтобы невесте в новом доме жилось «сладко» и чтобы расположить к себе домашних духов, она при входе в дом мазала притолоку двери медом. У андийцев невеста также должна была дотронуться до притолоки двери, но длинной палкой [Львов 1870: 28–29].

Описанные обряды существовали в прошлом с некоторыми особенностями у всех народов Дагестана. Так, обычай класть в рот мед и оставлять отпечатки пальцев на стене у дверей существовал у даргинцев, лакцев, кумыков, лезгин и др. [Гаджиева 1985: 288]. У осетин, наоборот, невеста мазала медом или слад-

кой смесью и маслом губы свекрови [Магомедов 1968: 363]. Этот обычай был широко распространен у грузин в Картли, Имеретии, Мегрелии, где в рот невесты клали сахар или мед [Хускивадзе 1894: 174].

Таким образом, обряд перехода невесты в дом жениха у аварцев был насыщен магическими действиями и приемами, призванными нейтрализовать зловерное воздействие негативного начала, направленного против невесты, обеспечить ей благо, достаток и счастливую жизнь в новой семье.

Библиография

Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана // Сб. сведений о кавказ. горцах. Тифлис, 1873. Вып. 7.

Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX — начале XX в. Л., 1988.

Гаджиев Г.А. Современная свадьба чамалалов // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. Махачкала, 1988.

Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в. М., 1985.

Исламмагомедов А.И. Общественный быт андалальцев. XIX — начало XX в. 1993 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, д. 779.

Исламмагомедов А.И. Аварцы: Историко-этнографическое исследование. XVIII — начало XX в. Махачкала, 2002.

Лугуев С.А., Эльмурзаева А. Об обычае встречи бабушки жениха с невестой у народов Дагестана // М-лы международной научной конференции «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Тбилиси, 2010.

Лугуев С.А. Ахвахцы: Историко-этнографическое исследование. XIX — начало XX в. Махачкала, 2008.

Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварско-го племени // Сб. сведений о кавказ. горцах. Тифлис, 1870. Вып. 3.

Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.

Мусаева М. К. Традиции и новации в свадебном обряде хваршин // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. Махачкала, 1988.

Омаров А. Воспоминания муталима // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3.

Хускивадзе Ф. Местечко Кверилы и его окрестности // СМОМПК. Тифлис, 1894. Вып. 19, отд. I.

Список сокращений

РФ ИИАЭ ДНЦ РАН — Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

М.Б. Гимбатова

ОБЫЧАЙ КРОВНОЙ МСТИ У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Одним из традиционных общественных институтов у тюркоязычных народов Дагестана в исследуемое время был обычай кровной мести. При отсутствии сильной законодательной власти он являлся важным регулятором общественных взаимоотношений и просуществовал до начала XX в.

Убийцу у ногайцев называли *душпан* (враг), *кан ишкен* (выпивший кровь), *канлы яв* (кровный враг), у кумыков, азербайджанцев и терекменцев — *душман* (враг).

Мотивы для совершения убийства могли быть разными, но чаще всего преступления, которые влекли за собой кровомщение, совершались из-за женщины. Помимо убийства — это покушение на честь и достоинство женщины: оскорбление, изнасилование, похищение и т.д. При этом именно женщины были яростными противницами примирения и замены кровной мести выкупом — *диятом* [Рагимова 2001: 123]. Именно они убеждали мужчин в необходимости кровомщения. Не отомстить за кровь считалось позором, и женщины постоянно напоминали об этом мужчинам. Наши информанты рассказывали, что у кумыков женщины отказывали мужьям в ложе, пока они не отомстят. Если не было мужчины, который бы мог отомстить, то женщина выходила замуж за того, кто согласится исполнить этот долг. Мать отказывалась оплакивать сына, пока за его кровь не оплатят. Также были известны случаи, когда жена в знак траура по убитому мужу год не снимала траурный платок и не мыла голову.